

ЖИЗНЬ В РЕЖИМЕ ДВОЕМЫСЛИЯ: РЕАКЦИЯ СОВЕТСКОГО ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА НА ВТОРЖЕНИЕ В ЧЕХОСЛОВАКИЮ В АВГУСТЕ 1968 Г.

В статье дан обзор основных тенденций в зарубежной и отечественной историографии изучения обстоятельств и последствий вооруженной интервенции в Чехословакии войск государств-членов Организации Варшавского договора (ОВД) в августе 1968 г., прервавшей одну из последних попыток создания в XX в. справедливого социального устройства – социализма «с человеческим лицом». Важное внимание уделяется недостаточно изученной реакции советского общества, прежде всего его гуманитарной элиты – экспертов-международников, на политику силового вмешательства в чехословацкие реформистские процессы. На основе впервые вводимых в научный оборот советских и югославских архивов России и Сербии рассмотрена подоплека осложнения советско-югославских отношений в первые недели после интервенции, крайне негативно оцененной в Белграде.

Ключевые слова: Интервенция, системная оппозиция, гуманный социализм, «социализм с человеческим лицом», тоталитарный социализм, реформирование реального социализма, политическая разведка.

Военная интервенция стран-участниц Организации Варшавского договора (ОВД) в Чехословакию, начавшаяся 21 августа 1968 г. и проведенная по решению советского руководства при участии, а во многом и под давлением, ряда лидеров стран ОВД в координации с консерваторами-коммунистами в самой Чехословакии, положила конец реформам (получившим название «Пражская весна») в этой стране. Она прервала одну из последних в XX в. попыток создания справедливого общественного устройства – «социализма с человеческим лицом». Прерванным реформам в Чехословакии и их международным аспектам, прежде всего принятию решения о самой интервенции и реакции на нее в мире, исследователи уделяли большое внимание уже с начала 1970-х гг. Первая отечественная фундаментальная работа была подготовлена М. В. Латышем [см.: Латыш] с использованием материалов чехословацкой правительственной комиссии по изучению собы-

тий 1967–1970 гг. Она была опубликована в 1998 г. без рекомендации ученого совета Института славяноведения РАН, где работал автор, и поэтому на ней нет грифа института. Данная монография не утратила научного значения до наших дней. Автор считал интервенцию одновременно и военным успехом и политическим поражением Кремля. В числе других российских авторов, писавших на данную тему, – В. Л. Мусатов, И. И. Орлик и др.

Грандиозный исследовательский бум имел место в связи с 50-летием реформ «Пражской весны» и их подавления. Важнейшей вехой в изучении стал масштабный международный научно-публикаторский проект, объединивший усилия более восьмидесяти историков из разных стран в рамках сотрудничества Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ), Института всеобщей истории РАН и Института Людвиг Больцмана (Грац, Австрия). Его итогом стала монументальная двухтомная публикация (232 документа на двух языках, немецком и русском) из более чем двух десятков архивов разных стран [см.: *Prager Frühling. Dokumente*] и свыше семидесяти исследовательских работ [см.: *Prager Frühling. Beiträge*]. В 2010 г. оба тома в сокращенном варианте были изданы в переводе на русский язык в серии изданий Международного фонда «Демократия» (Фонд А. Н. Яковлева) [см.: «Пражская весна». Статьи; «Пражская весна». Документы]. В том же году увидела свет и публикация «Чехословацкий кризис 1967–1969 гг. в документах ЦК КПСС», содержащая 196 документов Политбюро ЦК КПСС и 95 документов аппарата ЦК КПСС [см.: *Чехословацкий кризис*].

Серьезные и интересные сборники научных статей и документов публиковались как в Чехословакии, так и в других странах, причислявшихся до конца 1980-х гг. к социалистическому миру [Мигев; *Polsko a Československo*]. Значительная работа по изучению внутренних и международных аспектов событий в Чехословакии 1968 г. была продолжена в Институте славяноведения РАН – профильном отечественном научно-исследовательском учреждении комплексного изучения региона зарубежных славянских стран – за счет усилий Центра изучения сталинизма [см.: 1968 год. «Пражская весна»] несмотря на преждевременное прекращение М. В. Латышем его плодотворной научной деятельности. Заметным явлением в мировой историографии стало издание в 2008 г. в Институте новой истории Сербии (Белград) сборника работ о событиях 1968 г., подготовленного с учетом югославского контекста [см.: 1968 – четредесет година].

В последние годы в России заметна набирающая силу политизированная тенденция мифологизации событий 1968 г., возрождение и дальнейшее развитие тезисов официальной советской пропаганды, господствовавших в социалистическом лагере с первых месяцев после подавления «Пражской весны» до второй половины 1980-х гг. [см.: К событиям в Чехословакии; Чехословацкие события]¹. Апологетика вторжения не подтверждается анализом документальных источников, но имеет под собой реальные основы в геополитических процессах в Европе после 1989 г. (раздел Чехословакии, объединение Германии, вступление бывших соцстран в НАТО и продвижение этого военно-политического альянса в восточном направлении, к России и КНР), что в определенной мере подтверждает опасения, превалировавшие в рядах правящей элиты стран-членов ОВД весной-летом 1968 г. по поводу германского реваншизма и ослабления Чехословакии как следствия перемен, начатых тогда реформаторами в Праге и Братиславе. Отсутствие академических исследований (на основе архивных материалов) реакции стран-членов НАТО на начало и ход «Пражской весны» позволяет спекулировать на тему того, что набирающая в России силу указанная тенденция более чем оправдана.

Вместе с тем, реакция в советском обществе и на начавшиеся в Чехословакии реформы, и на их силовое прекращение по-прежнему недостаточно изучена. Внимание, прежде всего в СМИ и в публицистике, уделялось лишь двум феноменам: ограниченной демонстрации протеста на Красной площади и последующим (вне) судебными преследованиям ее участников, а также событиям августа 1968 г. как важному фактору, повлиявшему на решение ряда советских высокопоставленных военных чиновников (О. А. Гордиевский, В. Н. Митрохин, Д. Ф. Поляков) сотрудничать с разведслужбами Запада.

В научной историографии изучение реальных процессов в общественном сознании начато лишь в последнее десятилетие. Первыми работами по этой тематике являются статьи известных российских ученых – историка Г. П. Мурашко [см.: Мурашко, 2010], социолога Л. Д. Гудкова [см.: Гудков] и историка-архивиста О. В. Лавинской [см.: Лавинская]. Уже начато и изучение общественных настроений в регионах СССР [см.: Крючков]. Особое место в этом отношении занимает необычная по жанру и авторскому подходу

¹ Составители сборника «Чехословацкие события 1968 г. глазами КГБ и МВД СССР» генерал ФСБ А. А. Зданович, В. Ф. Лашкуль и др. поместили всего 62 документа, большая часть которых была известна по другим сборникам. Критический обзор этого издания дал Г. П. Мурашко [см.: Мурашко, 2012].

научно-публицистическая автобиографическая работа Л. И. Шинкарева [см.: Шинкарев]².

Дальнейшее изучение этой темы в значительной мере облегчается имеющимися заделами по исследованию общественных настроений в Советском Союзе в целом. Более очевидным стало то, что и под влиянием первого этапа косыгинской реформы и мировых трендов вызревали настроения в пользу необходимости перемен, что достаточно основательным образом обсуждалось в самых разных стратах советского общества. Постепенно вскрывается целая палитра мнений о дальнейшем развитии СССР, отраженная в ряде документов различной направленности. Известный (прежде всего на Западе) текст А. Д. Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» не был редким исключением. В частности, имелся менее известный, но от этого не менее значимый документ – аналитическая записка, переданная Л. И. Брежневу через К. У. Черненко Ю. В. Андроповым 6 июля (Черненко, вероятно по просьбе Андропова, напомнил адресату о состоявшемся с ним ранее разговоре по этому поводу). Данную записку генеральный секретарь ЦК КПСС так и не решился вынести на обсуждение Политбюро ЦК КПСС. Она пролежала без движения под сукном до начала 1980-х гг. и была обнаружена «в закрытом рабочем письменном столе Брежнева при осмотре его кабинета в здании ЦК КПСС 12 ноября 1982 г.» [«Выдвинуть новые сложные проблемы», с. 70–79, 214]. Эти документы – лишь самые яркие попытки концептуализации и формализации перемен, предпринимавшиеся наиболее дальновидными представителями советской интеллектуальной элиты, выражение осознания ими необходимости глубинных изменений параллельно с желанием встроиться в мировые интеграционные процессы, альтернативой которым оказались лишь стагнация и деградация. Важным был и общественный настрой в отношении продолжения косыгинских реформ, подготовки к переходу к их следующему этапу.

Преимущественно из опубликованных в 1990-е гг. воспоминаний экспертов-международников, составлявших в то время значительную часть консультантов советского руководства, в том числе и лично Л. И. Брежнева, известно о негативной реакции интеллигенции на решение о вторжении в Чехословакию. Достаточно образно описал те дни А. С. Черняев, тогда сотрудник Международного отдела ЦК КПСС: «Вторжение в Чехословакию ошеломило многих советских интеллигентов всех званий и положений... Само известие о вторжении явилось

² В этом же ряду находятся статьи мемуарного характера В. Н. Лукина, В. М. Кришошеева, Л. Н. Будаговой [см.: 1968 год. «Пражская весна», с. 547–570, 591–626].

для нас, в аппарате ЦК, неожиданностью. Рукоплескали ему немногие – самые оголтелые. Большинство было подавлено и растеряно. Слонялись друг к другу из комнаты в комнату, шептались или ругались – в зависимости от темперамента». Черняев емко описал и свой разговор с А. Е. Бовиным, в то время входившим в группу подготовки выступлений Брежнева, и собственное душевное состояние, близкое к панике. Даже своей дочери-школьнице, смотревшей на него испуганными глазами, он заявил: «Запомни: мы совершили страшное преступление. Нам не простят этого и за сто лет. Оно ляжет позором на русских, на нашу страну, на нашу историю. И, что бы ни делали, проказа от этого преступления будет разъедать все». Однако опасение остаться не у дел заставило Черняева вернуться «к своей работе в режиме двоемыслия» [Черняев, с. 257, 265–267].

Черняев не был исключением. Сходным образом, хотя и с позиций реал-политики, высказывался в те дни В. М. Фалин – один из ведущих аналитиков советского МИДа, бывший в фаворе у его руководителя. По его словам, достаточно негативно по последствиям для отношений с Западом оценивал ввод войск в Чехословакию и А. А. Громыко [Фалин, с. 113–115].

Из воспоминаний академика-международника Г. А. Арбатова известно о негативной реакции на события в августе и в академических кругах политологов-международников. По его словам, «...одолевало ощущение жгучего стыда, стыда за политику своей страны, за то, что сделало ее руководство. Как я убедился, то же самое чувство разделяли многие представители партийной интеллигенции, включая тех, кого я раньше считал вполне ортодоксальными...». Академик вспоминал о своих негативных оценках интервенции, которые он давал в беседах с помощником Брежнева Г. Э. Цукановым и В. А. Крючковым, одним из соратников главы КГБ Ю. В. Андропова. По мнению Арбатова, «Брежнев, а тем более Андропов догадывались о том, как и я, и многие другие представители интеллигенции (в том числе оставшиеся на работе в ЦК) относимся к этой акции, в глубине души даже считали это естественным» [Арбатов, с. 143].

Среди руководителей социалистических стран отношение к событиям в Чехословакии было далеким от единства. Если лидеры Польши и ГДР, по сути, подталкивали Москву к решительным действиям против реформаторов, то лидеры Венгрии пытались сыграть роль модераторов между Прагой и Москвой. Румынское руководство дистанцировалось от решений советского лагеря.

Особую позицию занимало и югославское руководство. С января 1968 г. оно скрыто поддерживало реформаторов в Чехословакии, ста-

рять делать это таким образом, чтобы не навлечь на Прагу гнев Кремля, который мог обвинить чехословацких лидеров в стремлении пойти по югославскому пути³. Вместе с тем, в тех случаях, когда это было возможно, Тито напрямую отстаивал позицию чехословацких реформаторов. Еще в апреле 1968 г. югославский лидер во время встречи с советским руководством в Москве старался убедить собеседников в том, что ход реформ в Чехословакии позитивен и не опасен для социализма. В начале августа Тито нанес визит в Прагу, демонстрируя свою поддержку А. Дубчеку и его сторонникам⁴.

После 21 августа отношения между Москвой и Белградом значительно осложнились. Полемика, однако, лишь иногда выходила на страницы СМИ и в основном заключалась в довольно резком обмене мнениями в ходе личных встреч представителей двух стран. Белград не удовлетворил трафаретный текст советского объяснения необходимости интервенции, переданный 21 августа советником посольства Ю. П. Островидовым от имени советского посла в СФРЮ И. А. Бенедиктова сотруднику международного отдела ЦК СКЮ Б. Милошевичу для исполнительного секретаря ЦК СКЮ М. Тодоровича [AJ. F.507.III/134. Prilog 3. Informacija Sovjetske Ambasade]. В сделанном Тито в этот день заявлении для югославского информационного агентства ТАНЮГ и телевидения Загреба (на следующий день, 22 августа, оно появилось во всех югославских газетах) говорилось о «глубоком беспокойстве», вызванном вводом иностранных военных частей в Чехословакию без приглашения или одобрения законного правительства. Ссылаясь на свои недавние встречи с Дубчеком во время визита в Прагу 11–12 августа 1968 г., Тито напомнил, что в те дни «убедился в решимости чехословацкого руководства сделать невозможными любые попытки антисоциалистических сил нарушить нормальное развитие демократии и социализма в этой стране» [Izjava Predsednika, s. 1219].

На состоявшемся поздно вечером того же дня расширенном совместном заседании Исполкома и Президиума ЦК СКЮ был принят текст официального заявления. Одним из ключевых моментов обсуждения стал подбор соответствующего термина для характеристики советских действий [AJ. F.507.III/134. Prilog 2. 1968.VIII.21 Autorizovane

³ Югославский опыт представлял определенный интерес для чехословаков. Одним из примеров была вышедшая в том году в Праге в открытой печати значительным тиражом научная монография о специфике развития СФРЮ [см.: Kohout].

⁴ Наиболее серьезной работой по истории отношения официального Белграда к событиям в Чехословакии и советской политике в 1968 г. является фундаментальное исследование профессора Карлова университета в Праге Я. Пеликана [см.: Pelikán]. Отдельные аспекты этих событий отражены в сербской историографии в статьях Л. Димица, в отечественной – затронуты А. Б. Едемским и Б. С. Новосельцевым.

stenografske beleške sa Jedanaeste zajedničke sednice Predsedništva i Izvršnog komiteta održane 21.8.1968. godine na Brionima]. День 22 августа ушел на подготовку к пленуму ЦК и мониторинг ситуации в стране и за рубежом. Наиболее заметным событием в СФРЮ в тот день стал 250-тысячный митинг в Белграде на площади Маркса и Энгельса. Его главным оратором был исполнительный секретарь ЦК СКЮ Тодорович [Klasić, s. 521].

23 августа на Брионах был проведен экстренный пленум ЦК СКЮ, осудивший интервенцию, которую Тито назвал также и «оккупацией». Помимо сообщений в печати, информация о югославской позиции и решениях пленума, включая выступление на нем Тито, была от имени госсекретаря СФРЮ по иностранным делам М. Никезича передана представителем СФРЮ в Праге Ф. Винтером в МИД ЧССР [Vondrová, s. 262]. Трибуна для выражения своей позиции была предоставлена тем чехословацким официальным лицам, которых интервенция застала на отдыхе в Югославии. Так, четыре члена правительства ЧССР опубликовали в СМИ призыв к правительствам зарубежных стран не признавать ту власть, которая будет сформирована в Чехословакии «под давлением оккупантов» [Политика. 1968. 24. август]. Югославская печать подробно сообщила и о заявлении руководителя итальянских коммунистов Л. Лонго, осуждавшего интервенцию [Там же]. 24 августа в Белграде состоялась пресс-конференция заместителя председателя правительства ЧССР О. Шика. Информация о ней прошла по югославскому телевидению, а подробный отчет опубликован в печати [Политика. 1968. 25. август]. В югославских политических кругах высоко оценивали поведение Шика, который «произвел отличное впечатление» [Marković, s. 83]. Параллельно в это же время в югославском городке Вршац прошли консультации между румынской и югославской делегациями, в ходе которых Чаушеску вел себя довольно нервно, опасаясь советской интервенции, в то время как Тито демонстрировал уверенность в своих силах [AJ. KPR. I-3-a. Rumunija. Zabeleška razgovora Tito – Čaušesku. U subotu 24. avgusta 1968. god. Održan je (poslepodne) u Vršcu].

Все эти публичные действия вызвали в Москве негативную реакцию, что было зафиксировано югославскими внешнеполитическими службами в соответствующих аналитических материалах [AJ. F.507. III/135. Prilog 3. Napadi petorice na Jugoslaviju]. Уже 24 августа в Москве было распространено сообщение ТАСС (центральный советский печатный орган, газета ЦК КПСС «Правда» опубликовала его в правом верхнем углу первой полосы на следующий день), в котором ука-

зывалось, что руководители Югославии и Румынии присоединились «к хору» тех «империалистических кругов, которые устремились на выручку к антисоциалистическим силам в Чехословакии, которые раздувают политическую истерию в своих странах и в ООН». Белград обвинялся и в «активной помощи чехословацким антисоциалистическим силам», в поддержке тех, кто «плетет свои интриги, политических авантюристов из Праги, оказавшихся в эти дни за пределами Чехословакии». В комментарии указывалось, что «о том, насколько далеко заходят югославские покровители антисоциалистических сил, свидетельствует, например, направление правительством Югославии в ООН провокационного заявления по так называемому чехословацкому вопросу: это заявление полностью совпадает с позицией стран НАТО. В том же духе выступает сейчас и группа Мао Цзэдуна в Пекине, сомкнувшаяся в этом вопросе с США и Югославией» [Правда. 1968. 25 авг.].

В югославских документах, фиксирующих обсуждение событий в Чехословакии высшим югославским руководством, отсутствуют записи об опасении советской интервенции в СФРЮ. Вместе с тем имеются косвенные свидетельства о том, что такая возможность не исключалась. В частности, среди решений «о непосредственных задачах», принятых на заседании ИК ЦК СКЮ 28 августа, содержался тезис, призывающий «усилить бдительность партийного руководства на всех уровнях в связи с хранением документов с грифом “доверительно” и “строго доверительно”. Определить, какие из них должны быть сохранены, а какие не должны попасть в руки неприятеля в случае войны» [AJ. F.507.III/135. Prilog 9. Beleška sa sednice Izvršnog komiteta CK SKJ od 28. avgusta 1968. (Zaključci o neposrednim zadacima). 31.VIII.1968. S. 4].

С 30 августа 1968 г. в советско-югославских отношениях начался этап непосредственного взаимодействия по чехословацкому вопросу, характеризовавшийся высоким потенциалом напряженности. В этот день посол СССР в СФРЮ И. А. Бенедиктов, запросивший встречи с высшим югославским руководством, был принят И. Броз Тито в присутствии исполнительного секретаря ЦК СКЮ Тодоровича. Во время разговора Тито неоднократно прерывал собеседника, продемонстрировав исключительное знание русского языка. То, что югославский лидер использовал при этом не всегда общепринятые для государственных деятелей такого ранга выражения, свидетельствовало и о его глубоком возмущении советскими действиями [AJ. F.507.III/135. Prilog 5. Zabeleška o prijemu Sovjetskog ambasadora kod predsednika Tita. 30. avgusta 1968. god. na Vangi. S. 1, 5].

Ситуацию, сложившуюся в связи с событиями, произошедшими после 21 августа, югославское руководство обсудило 2 сентября на совместном заседании высших партийных югославских органов. Как свидетельствует стенограмма заседания, Тито, который выступил первым, дал оценку событий последних десяти дней, рассказав в том числе о приеме советского посла. В протоколе, написанном по итогам заседания, высказывания И. А. Бенедиктова были названы «демаршем СССР в весьма оскорбительном тоне для нас и для товарища Тито лично, <...> первым актом прямого давления на нас». «Этот шаг в нынешней ситуации представляет первый официальный акт прямого давления на Югославию со стороны СССР. Содержание, тон и форма демарша свидетельствуют о том, что Советский Союз этим создает повод для оказания прямого давления на Югославию по всем направлениям. В дискуссии на заседании была оказана полная поддержка содержанию и форме ответа товарища Тито в разговоре с советским послом в Югославии и была занята позиция, что необходимо как можно быстрее ответить на этот демарш через нашего посла в Москве» [Ibid., s. 1].

Наряду с этим, в протокол было внесено и высказывание Тито о необходимости более аккуратного освещения событий в югославской печати. В документе зафиксирована его фраза об ограничении рамок возможной полемики по поводу случившегося: «Мы не будем ничего делать из того, что имело бы провокационное и враждебное отношение к Советскому Союзу как стране и к советскому народу. Однако мы не можем молчать, когда дело идет о борьбе за принципы социализма и противостоянии всевозможным уклонам» [AJ. F.507.III/135. Predlog zapisnika sa zajedničke sednice Predsedništva i Izvršnog komiteta CK SKJ održane 2. septembra 1968. god. na Brionima. S. 1].

Протокол заседания содержал и высказывание Тито о том, что «в дальнейшей нашей деятельности следует пойти путем успокоения настроений в нашей стране, но не оправдывать действия стран-агрессоров в Чехословакии, которые представляют нарушение суверенитета страны и свободы народа». Тито также предложил «предпринять ряд мер, если дело дойдет до экономического давления» на Югославию со стороны стран, участвующих в интервенции. «Помимо сохранения наших принципиальных позиций, – заметил он, – мы не смеем делать ничего такого, что дало бы Советам повод вернуться в 1948 г., т. е. отказаться от торговых и экономических отношений». Считая определенные изменения в торговых отношениях неизбежными, Тито подчеркнул, что «более широкий отказ от экономи-

ческих договоров и договоренностей привел бы к серьезным трудностям в югославской экономике» [AJ. F.507.III/135. Predlog zapisnika sa zajedničke sednice Predsedništva i Izvršnog komiteta CK SKJ održane 2. septembra 1968. god. na Brionima. S. 2; Informacija o zajedničkoj sednici Predsedništva i Izvršnog komiteta CK SKJ na Brionima 2. septembra 1968 god. S. 1–16].

Ответ югославского руководства на советское послание, переданное Бенедиктовым 30 августа, был дан через две недели. Его зачитал посол СФРЮ в СССР Д. Видич во время встречи с председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным. Текст данного ответа исследователями к настоящему времени не обнаружен ни в российских архивах, ни в архивах пост-югославских государств, и о его содержании можно судить пока лишь из соответствующего отчета Д. Видича, направленного в Белград в виде пространной телеграммы [AJ. KPR. I-3-a. SSSR. Very urgent. Kod Podgornog, predsednika prezidijuma VS SSSR, danas u 16 sati]. Югославский посол изложил в ней спонтанную реакцию собеседника и свою последующую дискуссию с ним. Несмотря на неоднократный обмен колкостями в ходе беседы, где солировал, конечно, председатель Президиума (в конце телеграммы Видич отметил, что «беседа велась в спокойной атмосфере»), Подгорный «как свое собственное, высказал мнение, что после встречи товарищей Тито и Тодоровича с Бенедиктовым можно уже заранее сказать, что заявление правительства и ЦК КПСС не поможет югославским товарищам осознать свои ошибки в отношении понимания положения, которое вынудило СССР и другие страны предпринять известные меры в ЧССР». Подгорный также отметил, что «сейчас и самые жесткие противники из империалистического лагеря отказались от использования определения “оккупация”, “интервенция”. Эти выражения продолжают использовать только в Югославии, что их несколько не радует». Видич вместе с тем отметил слова советского руководителя о том, что несмотря на вышесказанное «вопрос ЧССР сейчас не следует вновь доводить до ситуации, которая существовала ранее, советское руководство желает продолжения сотрудничества в экономических связях и других областях, но это зависит не только от них, но и от югославской позиции». Видич также передал слова Подгорного о том, что советское руководство располагает информацией о некоторых мобилизационных мероприятиях, проводимых в СФРЮ, и не понимает, чем они вызваны, «почему этот психоз» [Ibid., s. 3].

Замечание Подгорного о «психозе» было запоздалым. К этому времени советские представители в Белграде уже отметили некото-

рое снижение остроты югославских высказываний [АВП РФ, л. 47]. Эту тенденцию к снижению накала полемики в Югославии отметил 17 сентября 1968 г. корреспондент «Правды» в Белграде Т. А. Гайдар, контр-адмирал, сын писателя Аркадия Гайдара. Он сообщил в одном из писем в Центр [Там же, л. 56–60] о ставших известными ему решениях югославского руководства по этому поводу. Т. А. Гайдар не ограничился приведением фактов, а попытался объяснить их, назвав одной из причин, побудивших югославов «предпринять некоторые шаги если не для прекращения, то для сдерживания антисоветской кампании, серьезные опасения, что дальнейшее развитие полемики может повлечь за собой со стороны СССР и других социалистических стран определенные меры, которые усложнят и без того достаточно непростую экономическую ситуацию в Югославии» [Там же, л. 56]. Острая фаза полемики завершилась в конце ноября 1968 г. после выступлений Тито, в которых был взят более мягкий тон в отношении действий Москвы. В этой атмосфере диаметрально противоположных советско-югославских оценок ситуации в Чехословакии любые контакты советских граждан с представителями югославского посольства были более чем затруднены.

Если в мировой и отечественной историографии события, связанные с интервенцией в Чехословакии, изучены достаточно подробно, то данные о реакции советского общества на них все еще ограничены. За исключением сюжета о «выходе на Красную площадь» горстки несогласных с интервенцией правозащитников, другие материалы практически отсутствуют. До настоящего времени в закромах отечественных архивов еще не выявлены документы, характеризующие общественные настроения в СССР в первые недели после введения войск в Чехословакию. Данную лакуну отчасти заполнила мемуарная литература, общий настрой которой достаточно критический к действиям советского руководства в эти годы. Вместе с тем, имеющиеся мемуарные свидетельства, при всей их важности, не всегда и не во всем могут быть для историков бесспорными.

Публикуемый ниже в переводе с сербохорватского языка документ коллекции Международной комиссии ЦК СКЮ/ССТНЮ, находящийся в Архиве Югославии (г. Белград, Сербия), был создан всего через несколько недель после интервенции в Чехословакию советских войск и частей ряда других социалистических стран. Он является уникальным свидетельством типичных, по всей видимости, настроений, витавших в советской интеллекту-

альной элите, зафиксированных одним из югославских дипломатов в Москве после встречи с весьма осведомленным советским собеседником. Югославский дипломат, автор публикуемого документа, намеренно не идентифицирует своего собеседника, называя его «источник»⁵. Это обстоятельство, как и ряд других, среди которых предупреждение ограниченного ознакомления с документом, приближает его к типу пока еще недоступных для исследователей оперативных политических материалов разведывательного характера. Из всего контекста документа и приводимых в нем фактов и оценок ясно, что собеседник югославского дипломата являлся представителем той части либеральной интеллектуальной элиты, которая была весьма информирована о состоянии умов в Москве, взглядах советского руководства и самого Брежнева, а также советско-югославских отношениях и планах Кремля и Старой площади относительно ближайших советских шагов на югославском направлении. Весь этот объем вопросов позволяет предполагать, что данный «источник» был весьма близок к группе консультантов ЦК КПСС или принадлежал к числу сотрудников одного из ведущих гуманитарных академических институтов: Института США и Канады (ИСКАН), Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), Института экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС), Института международного рабочего движения (ИМРД), Института славяноведения и балканистики, – руководство которых и часть сотрудников в определенной степени были причастны к процессу формирования и принятия политических решений в советском государстве, но после чехословацких событий без восторга отнеслись к избранному Политбюро ЦК КПСС «решению» «чехословацкого вопроса».

Очевидно, что обстоятельства, изложенные в документе, требовали от сотрудников югославского посольства в Москве его скорейшей передачи в Белград. Стремление действовать в режиме реального времени отразилось на стиле изложения. В тексте встречаются и повторы, и некоторые грамматические и стилистические погрешности, которые можно объяснить необходимостью срочной записи полученной информации. Поэтому в приведенном здесь переводе на русский убраны некоторые повторы, а текст несколько отредактирован.

⁵ В тексте имеется единственное указание, позволяющее лишь частично сузить круг лиц: «осуждает антисемитизм, но сам источник евреем не является».

Из кругов интеллигенции в Москве о ситуации в СССР в связи с интервенцией в ЧССР⁶

1. О положении в СССР

Вторжение в ЧССР – страшный удар прогрессивным силам во всем мире и в Советском Союзе в частности. Оно означает окончательное завершение периода, начатого XX съездом [КПСС], и окончательное возвращение к сталинизму. В СССР многие осознали, что бюрократия выступила против общих интересов (мира, советских народов, социализма, МРД⁷), за исключением лишь ее собственного интереса – сохранения собственных позиций. Единственным положительным моментом в ситуации является то, что развенчаны иллюзии, а подлинная природа советской системы стала ясна еще большому числу людей. Предстоят тяжелые дни давления на реформу, любое демократическое устремление, творчество, свободу и т. п. Возрастут затраты на вооружение и нагрузка на бюджет СССР со стороны чужих экономик с тем, чтобы оплатить сервильную покорность стран-сателлитов и сохранить существующие режимы в восточном экономическом сообществе⁸. Источник утверждает, что подобные взгляды на интервенцию в ЧССР и ее последствия высказываются значительным числом людей в кругах советской интеллигенции. Он думает, что широкие слои народа дезинформированы и большей частью проявляют безразличие, но и в них, когда заходит речь о политике СССР, все реже можно услышать выражения «мы», которое заменяется на все чаще звучащее «они» (т. е. руководство).

В Москве происходят исключения из партии. Согласно источнику, после Апрельского пленума в московской парторганизации исключено около 200 человек, в основном – интеллигенция. Он говорит о значительном несогласии с интервенцией. На митингах и собраниях, где объясняются ее причины, случается, что против высказываются даже по два-три человека, что в советских условиях означает несогласие с интервенцией сотен тысяч (упоминается, что академик Сахаров выразил письменный протест – нечто подобное манифесту, который якобы циркулирует по Москве).

⁶ На первом листе документа имеются пометы и штампы-печати: «Строго конфиденциально», «Лично в руки», 11 сентября 1968 г.

⁷ Международного рабочего движения.

⁸ Так в тексте. Имеются в виду государства социалистического лагеря, входившие в Совет экономической взаимопомощи (СЭВ).

Источник ожидает, что в СССР в скором времени пройдут более массовые аресты, а также прокатится волна организованного антисемитизма (сам источник евреем не является).

Сведения о раздорах в советском руководстве являются ничем иным как спекуляциями или иллюзиями. По всей вероятности, различие [имеется] только в тактике оказания давления, т. е. в методах защиты позиций бюрократии. Тем не менее, он полагает, что в первую очередь императивы экономического развития, а также внутренняя борьба за власть, невозможность длительное время поддерживать существующие режимы в ВЭС⁹ и т. п. постепенно облегчат возможность оформления новых прогрессивных сил и начало их деятельности. Само существование какой бы ни было организованной политической силы сегодня нереально, но следует ожидать в ближайшие три-четыре месяца появления программного документа или манифеста прогрессивных сил СССР, что явится результатом и выражением более массового протеста и сопротивления сталинизму. Источник предвещает, что этот манифест мог бы появиться на Западе в одной из газет левой ориентации.

В Москве в эти дни было проведено совещание послов СССР в социалистических странах. Среди выступивших на совещании был и Брежнев. На основе информации об этом источник рассказал следующее:

2. О тактике СССР в отношении ЧССР

Основная цель Советов сейчас заключается в компрометации руководства ЧС¹⁰, стремлении нарушить их единство, вынудить руководство к проведению арестов и т. п., что приведет к его отдалению от народа и окончательной его компрометации. В итоге в ЧС произойдет постепенная реставрация режима, сходного существовавшему там до января [1968 г.]. Ввиду этого задача сохранения единства – самая важная для руководства ЧС («мы увидим, окажется ли оно достойным своего народа»). Здесь источник не питает иллюзий и думает, что СССР будет добиваться этого за счет постепенного и разнообразного давления. Нам (югославам) следует проявлять исключительную осторожность во время контактов с чехами. Войска в ЧСР

⁹ Один из участников беседы (скорее всего, югославский) называет так СЭВ (в оригинальном тексте IEZ – Istočna ekonomska zajednica – «Восточное экономическое сообщество») по аналогии с ЕЭС (EEZ – Evropska ekonomska zajednica – Европейское экономическое сообщество).

¹⁰ Здесь и далее автор документа использует сокращение ЧС, т. е. – Чехословакия.

на западных границах останутся постоянно, и не следует питать какие бы то ни было иллюзии относительно возможности их окончательного вывода. Источник говорит, что Свобода¹¹ не держался должным образом все это время в Москве и в хорошо информированных московских кругах говорят, что делегация ЧС на переговорах могла бы добиться большего, хотя по сути это имело только формальное значение. Но Свобода («он и не является настоящим политиком») показал себя «слишком конструктивным».

С другой стороны, согласно источнику, будут предприняты усилия для изоляции руководства КПЧ в МРД. В связи с этим СССР пойдет на срыв возможного совещания европейских компартий по вопросу Чехословакии. Источник считает, что чехи совершили серьезную ошибку, отказавшись принять французскую инициативу созыва такого совещания еще до Чиерне¹². О [совещании] в Чиерне источник говорит, что его единственной целью было провоцирование раскола в руководстве ЧС, после которого должно было последовать легкое и мотивированное военное вмешательство, с возможностью которого считались с самого начала демократизации в ЧССР. В этот момент советское руководство должно было помешать проведению XIV чрезвычайного съезда КПЧ¹³, так как съезд окончательно очистил руководство от консерваторов. (Он добавляет, что Кадар¹⁴ дольше всех противился интервенции).

Следует ожидать серьезного давления на руководство ЧС с целью добиться его критического выступления в отношении той якобы «излишней поддержки», которую ему оказывает Югославия. Сходное поведение следует ожидать и в стремлении добиться осложнения ЧС-румынских отношений. Источник добавляет, что Чаушеску¹⁵ желал приехать в Москву, но ему

¹¹ Свобода, Людвик (1895–1979) – военный деятель Чехословакии. 30 марта 1968 г. избран президентом ЧССР и верховным главнокомандующим вооруженными силами ЧССР вместо скомпрометировавшего себя А. Новотного, поддержал реформы А. Дубчека.

¹² Переговоры в Чиерне проходили с 29 июля по 1 августа с участием двух делегаций, составленных из руководителей КПСС и КПЧ.

¹³ Созван 22 августа по инициативе Пражского горкома КПЧ на территории завода в пражском районе Высочаны. Был проведен подпольно. Делегаты из Словакии не успели прибыть для участия. Съезд обратился ко всем коммунистическим и рабочим партиям мира с просьбой осудить советское вторжение.

¹⁴ Кадар, Янош (1912–1989) – генеральный секретарь ЦК Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП). Фактический лидер страны с 1956 по 1988 гг. Это время получило в Венгрии название «эпоха Кадара».

¹⁵ Чаушеску, Николае (1918–1989) – генеральный секретарь ЦК Румынской коммунистической партии (РКП) в 1965–1989 гг.

было в этом отказано с мотивировкой, что «сейчас для этого неподходящее время». Он считает, что чехословацко-советская встреча на высшем уровне может состояться через месяц.

КПСС не оставляет идею проведения в Москве мирового совещания коммунистических партий, но оно будет отложено (после формальной инициативы какой-то третьей стороны).

3. Об отношениях СССР-Югославия

Источник высказывает мнение, что по прошествии нескольких дней следует ожидать начала острой антиюгославской кампании в советской печати. В СССР уже принята формулировка, согласно которой ревизионизм и национализм наиболее опасны и враждебны. Это означает, что вновь будут актуализированы все тезисы о ревизионизме, использовавшиеся во время критики нашей программы и Московского совещания коммунистических партий 1960 г. В статьях будут стремиться дисквалифицировать нашу «модель» (указывая на сложности в виде безработицы, экономической миграции, задолженности, межнациональных проблем и пр.). [Источник] говорит, что статьи в таком духе уже подготовлены и ожидают публикации. Он не верит в возможность военной интервенции против нас и считает положительным то, что мы деятельны и демонстрируем готовность к самообороне.

На основе информации, которой располагает источник, советская сторона, «по крайней мере в настоящее время, не будет предпринимать далеко идущих» мер по осложнению экономического и военного сотрудничества. В подтверждение этого он приводит тот факт, что посол Бенедиктов¹⁶ активно выступает за сохранение военного, экономического и культурного сотрудничества. (Утверждает, что подготовленное к публикации сообщение ТАСС о разговоре товарища Тито с Бенедиктовым не было передано по требованию посла). Согласно первоначальному плану его следовало передать по радио для информирования общественности. Однако Бенедиктов действовал якобы в надежде на то, что «полемика» с нашей стороны утихнет. Сейчас посольство считает, что статьи в нашей печати сохраняют

¹⁶ Бенедиктов, Иван Александрович (1902–1983) – советский государственный деятель и дипломат. В 1938–1943 и 1946–1953 гг. – нарком земледелия, министр сельского хозяйства СССР. На дипломатической работе находился с 1953 г. В 1953 и в 1959–1967 гг. – посол СССР в Индии. В 1953–1959 гг. – министр сельского хозяйства, министр совхозов СССР. В 1967–1970 гг. – посол СССР в Югославии. Член ЦК КПСС в 1939–1941 и в 1952–1971 гг. (кандидат в члены ЦК КПСС в 1941–1952 гг.)

«антисоветскую» направленность, и в предстоящей советской кампании (хотя он и полагает, что советская сторона не будет использовать все методы 1948 г., что приведет к нарушению сотрудничества) источник не исключает возможности экономического давления. [Он] считает, что в случае проявления таких симптомов нам следует незамедлительно, самым открытым и прямым образом ставить вопрос официально, спрашивая, как советская сторона намерена поступить в отношении нашего сотрудничества. [Он] говорит, что Брежнев весьма уважает президента Тито, но [парт]аппарат настроен крайне антиюгославски. Он уверенно опровергает нашу оценку того, что проводимая в Болгарии антимакедонская кампания инспирирована СССР. Он считает, что это собственно болгарская комбинация («посчитав, что вы слабы, они, по всей вероятности, стремятся ловить в мутной воде»). Ситуация в Болгарии и без этого весьма нестабильна. Живков¹⁷ был в Москве, и на него оказывалось давление с целью определенных кадровых перестановок для устранения тех, кто близок к прогрессивным устремлениям ЧС.

Источник считает, что следует ожидать попыток Советов как через свою агентуру, так и по другим каналам вступить в контакт с коминформовцами¹⁸ у нас и с некоторыми руководителями. И все это [будет делаться] с целью создания в Югославии атмосферы недоверия. Источник очень подробно высказывался об огромной ответственности Югославии и СКЮ перед социалистическими силами во всем мире. Он утверждает, что нас многие (в том числе и в Советском Союзе) уважают и внимательно прислушиваются к нашему мнению.

По его словам, поэтому необходимо приложить максимум сил и вести, как он говорит, «умную пропаганду». Необходимо свести к минимуму прямую пропаганду со стороны Югославии, а публиковать как можно больше текстов о демократии, демократическом социализме, роли партии, решении национального вопроса, экономических концепциях и др. Все это следует переводить на мировые языки (включая русский). Он говорит о потребности нового издания ряда подобных текстов, которые были опубликованы ранее. Он также считает первооче-

¹⁷ Живков, Тодор (1911–1998) – генеральный секретарь ЦК Болгарской коммунистической партии (БКП) в 1954–1989 гг.

¹⁸ Термин, используемый для сторонников резолюций второго (1948) и третьего (1949) совещаний представителей компартий-членов Информационного бюро коммунистических и рабочих партий (Коминформбюро).

редной задачей в плане пропаганды публикацию (в том числе на иностранных языках) [брошюры] «Что случилось в Чехословакии», которая должна быть написана на соответствующем теоретическом уровне, без эмоций, с приведением как можно большего числа фактов и ссылок на документы и т. д. Он заверяет, что если в СССР попадет хотя бы несколько экземпляров подобной публикации на русском языке, они быстро превратятся в тысячи новых экземпляров. Точно также он убежден в том, что интервенция в ЧССР должна нам послужить импульсом для дальнейшего развития творческой марксистской мысли и советует проявить в настоящее время большую толерантность в отношении «Праксиса»¹⁹ и т. п., «так как это – мощное оружие в противостоянии сталинизму» и т. д.

ПРИМЕЧАНИЕ²⁰. Подготовлено составителями данного документа. Мы считаем, что данной информации следует уделить внимание. Источник, возможно, несколько преувеличивает размеры недовольства в СССР, подлинные границы и распространение которого все же определить весьма сложно. Однако он выражает не только взгляды, но и надежды прежде всего тех кругов интеллигенции, которые имеют [определенное] влияние. Его советы о том, каким образом нам следует вести пропаганду, отражают также желания этих кругов (хотя ограничено информированных и перегруженных суррогатами современной марксистской науки), оперирующих в определенных релевантных теоретических и фактографических рамках. С другой стороны, источник весьма близок к прекрасно информированным кругам, и его информация по внешнеполитическим вопросам, как и мнение о вероятных направлениях советской политической тактики заслуживают самого тщательного внимания.

*Arhiv Jugoslavije (Beograd). F.507. SSSR.
IX. 119/II 102–149. Fasc. 24. Jedinica broj 107.*

АВП РФ – Архив внешней политики РФ, ф. 144, оп. 29, п. 68, д. 12.

Арбатов Г. А. Затянувшееся выздоровление (1953–1985): свидетельство современника. М., 1991.

¹⁹ «Праксис» – журнал, издававшийся в 1964–1971 гг. участниками одноименного югославского философского сообщества неортодоксальных марксистов. Особенностью философии «Праксиса» была критика сталинизма и возвращение к ранним работам К.Маркса. Их взгляды подвергались критике ортодоксальных марксистов за ревизионизм и левацко-анархистский уклон.

²⁰ Дает оценку полученной информации. Написано или в резидентуре посольства СФРЮ в Москве, или, скорее всего, в Белграде.

«Выдвинуть новые сложные проблемы, которые требуют от нас серьезных поворотов и крупных решений»: проект записки Л. Брежнева в Политбюро ЦК КПСС 6 июля 1968 г. // Генеральный секретарь Л. И. Брежнев: 1964–1982 гг. М., 2006. С. 70–79.

Гудков Л. «Пражская весна» 1968 г. в оценках российского общества: 40 лет спустя // Неприкосновенный запас. 2008. №4 (60). С. 140–144.

К событиям в Чехословакии: факты, документы, свидетельства прессы и очевидцев. Вып. 1. М., 1968.

Крючков И. В., Крючкова Н. Д. Отклики «Пражской весны» в Ставропольском крае: по материалам краевого архива // 1968 год. «Пражская весна»: историческая ретроспектива. Сборник статей. М., 2010. С. 437–456.

Лавинская О. Цензура в СССР и ограничения информации о событиях в Чехословакии // «Пражская весна» и международный кризис 1968 г.: статьи, исследования, воспоминания / под ред. Н. Г. Томилиной, С. Карнера, А. О. Чубарьяна. М., 2010. С. 129–136.

Латыши М. В. «Пражская весна» 1968 г. и реакция Кремля. М., 1998.

Мигев В. Пражката пролет '68 и България. София, 2005.

Мурашко Г. П. «Пражская весна» и советская интеллигенция: к вопросу о формировании «внутрисистемной оппозиции» неосталинизму // 1968 год. «Пражская весна»: историческая ретроспектива. Сборник статей. М., 2010. С. 389–420.

Мурашко Г. П. Чехословацкие события 1968 г. глазами КГБ и МВД СССР: размышляя над книгой... // Славяноведение. 2012. № 1. С. 62–69.

Политика. 1968.

Правда. 1968.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 г.: документы / под ред. Н. Г. Томилиной, С. Карнера, А. О. Чубарьяна. М., 2010.

«Пражская весна» и международный кризис 1968 г.: статьи, исследования, воспоминания / под ред. Н. Г. Томилиной, С. Карнера, А. О. Чубарьяна. М., 2010.

1968 год. «Пражская весна»: историческая ретроспектива. Сборник статей. М., 2010.

1968 – четридесет година после. Сборник радова. Београд, 2008.

Фалин В. М. Без скидок на обстоятельства: политические воспоминания. М., 1999.

Черняев А. С. Моя жизнь и мое время. М., 1995.

Чехословацкие события 1968 г. глазами КГБ и МВД СССР. Сборник документов. М., 2010.

Чехословацкий кризис 1967–1969 гг. в документах ЦК КПСС. М., 2010.

Шинкарев Л. И. Я это все почти забыл... Опыт психологического анализа событий 1968 г. в Чехословакии. М., 2008.

AJ – Arhiv Jugoslavije. F.507. III/134; III/135.

AJ – Arhiv Jugoslavije. KPR. I-3-a.

Izjava Predsednika Tita povodom upada trupa SSSR, DR Nemačke, Poljske, Mađarske i Bugarske u Čehoslovačku. Beograd, 21. avgusta 1968 god // Jugoslavija

1918/1988. Tematska zbirka dokumenata / B. Petranović, M. Zečević. Beograd, 1988. S. 1219.

Klasić H. Unatrašnopolitičke i vanjskopolitičke aktivnosti Jugoslavije nakon intervencije Varšavskog pakta u Čehoslovačkoj 1968 godine // 1968 – четрдесет година после. Зборник радова. Београд, 2008. S. 519 – 547.

Kohout L. Specifika socialistického vývoje Jugoslávie 1941–1956. Praha, 1968.

Marković D. D. Život i politika 1967–1978. Knjiga 1. Beograd, 1987.

Pelikán J. Jugoslávie a Pražské jaro. Praha, 2008.

Polsko a Československo v roce 1968 / red. Blažek P., Kamiński L., Vévoda R. Praha, 2006.

Prager Frühling: das internationale Krisenjahr 1968. Beiträge / Hrsg. von S. Karner, N. G. Tomilina, A. Tschubarjan. Köln; Wien, 2008.

Prager Frühling: das internationale Krisenjahr 1968. Dokumente / Hrsg. von S. Karner, N. G. Tomilina, A. Tschubarjan. Köln; Wien, 2008.

Vondrová J., Navrátil J. Mezinárodní souvislosti Československé krize 1967–1970. Sv. 2: červenec-srpen 1968. Praha; Brno, 1997. (Prameny k dějinám Československé krize 1967–1970).

Едемский Андрей Борисович

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник От-
дела современной истории стран
Центральной и Юго-Восточной
Европы

Институт славяноведения РАН
119991 Москва, Ленинский про-
спект, 32-А

E-mail: and-edem@yandex.com

Edemsky, Andrey Borisovich

PhD (History), Senior Researcher
of the Department of the
Contemporary History of Central
and South-East Europe

Institute of Slavonic Studies, RAS
32A Leninsky Ave., 119991
Moscow, Russia

E-mail: and-edem@yandex.com

**LIFE IN THE CONDITIONS OF DOUBLETHINK:
REACTION OF THE SOVIET EXPERT COMMUNITY
TO THE INVASION OF CZECHOSLOVAKIA
IN AUGUST 1968**

The article gives an overview of the main trends in the Russian and foreign historiography concerning the circumstances and consequences of the armed intervention in Czechoslovakia in August, 1968. The intervention of the troops of the Warsaw Treaty Organization (WTO) member-states interrupted one of the last attempts to create a fair social system in the 20th century, the so called “socialism with a human face”. Important attention is paid to the insufficiently examined reaction of the Soviet society – and particularly, of the humanities elite who were experts in international affairs – to the policy of military intervention that interrupted reform processes. The author introduces a number of Soviet and Yugoslav documents from

the archives in Russia and Serbia that allow to discuss the background of the complicated Soviet-Yugoslav relations in the first weeks after the intervention that was negatively conceived in Belgrade.

Keywords: Intervention, system opposition, humane socialism, “socialism with a human face”, totalitarian socialism, the reform of real socialism, political intelligence.